

А. Н. МАЙКОВ

У гроба Грозного

Средь царственных гробов в Архангельском соборе
На правом клиросе есть гроб. При гробе том
Стоишь невольно ты с задумчивым челом
И с боязливою пытливостью во взоре...
Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда —
Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенной души не появлялось...
Она — с алчностью добра — весь век во зле терзалась, —
И внутренним огнем сгорел он... До сих пор
Сведен итог его винам и преступлениям;
Был спрос свидетелей; поставлен приговор, —
Но нечто высшее всё медлит утверждением,
Недоумения толпа еще полна,
И тайной облечен досель сей гроб безмолвный...
Вот он!.. Иконы вокруг. Из узкого окна
В собор, еще святых благоуханий полный,
Косой вечерний луч на темный гроб упал
Узорной полосой в колеблющемся дыме...
О, если б он предстал — теперь — в загробной схиме,
И сам, как некогда, народу речь держал:
«Я царство создавал — и создал, и доньне, —
Сказал бы он, — оно стоит — четвертый век...
Судите тут меня. В паденьях и гордыне
Ответ мой — Господу; пред Ним — я человек,
Пред вами — Царь! Кто ж мог мне помогать?.. Потомки

Развенчанных князей, которым резал глаз
 Блеск царского венца, а старых прав обломки
 Дороже были клятв и совести?.. Держась
 За них, и Новгород: что он в князьях, мол, волен!
 К Литве, когда Москвой стеснен иль недоволен!..
 А век тот был, когда венецианский яд,
 Незримый как чума, прокрадывался всюду:
 В письмо, в причастие, ко братине и к блюду...
 Княгиня — мать моя — как умерла? Молчат
 Княжата Шуйские... Где Бельский? рать собирает?
 Орудует в Крыму и хана подымает!
 Под Серпуховом кто безбожного навел
 На своего Царя и указал дорогу?
 Мстиславский? Каешься?.. А Курбский? — Он ушел!
 “Не мыслю на удел”, — клянется мне и Богу,
 А пишется в Литве, с панами не таясь,
 В облыжных грамотах как “Ярославский князь”!
 Клеветает — на кого ж? На самоё царицу —
 Ту чистую, как свет небесный, голубицу!..
 Все против!.. Что же я на царстве?.. Всем чужой?..
 Идти ль мне с посохом скитаться в край из края?
 Псарей ли возвести в боярство — и покой
 Купить, — им мерзости творить не возбраняя,
 И ненавистью к ним всеобщей — их связать
 С своей особою?.. Ответ кто ж должен дать
 За мерзость их, за кровь?.. Покинутый, болящий,
 Аз — перед Господом — аз — аки пес смердящий
 В нечестьи и грехе!..

Но Царь пребыл царем.

Навеки утвердил в народе он своим,
 Что пред лицом Царя, пред правдою державной
 Потомок Рюрика, боярин, смерд — все равны,
 Все — сироты мои.

И царство создалось!

Но моря я хотел! Нам нужно насажденье
 Наук, ремесл, искусств: все с боя брать пришлось!
 Весь Запад завопил: опасно просвещенье
 Пустить в Московию! Сам Кесарь взор возвел
 Тревожно на небо: двуглавый наш орел
 Уже там виден стал — и занавесь упала,
 И царство новое пред их очами встало...

Оно не прихотью явилось на свет.
В нем не одной Руси спасения завет:
В нем церкви истинной хоругвь, и меч, и сила!
Единоверных скорбь, чтоб быть ему, молила —
И — бысть!.. Мой дед, отец трудились над ним,
Я ж утвердил навек — хоть сам раздавлен им...
Вы все не поняли?.. Кто ж понял? Только эти,
Что в ужасе, как жить без государства, шли
Во дни великих смут, с крестом, со всей земли
Освобождать Москву... Моих князей же дети
Вели постыдный торг с ворами и Литвой,
За лишние права им жертвуя Москвой!..
Да! Люди средние и меньшие, водимы
Лишь верою, что Бог им учредил Царя
В исход от тяжких бед, что Царь, лишь Им судимый,
И зрит лишь на Него, народу суд творя, —
Ту веру дал им я — сам Божья откровенья
О ней исполняя в дни слез и сокрушенья...
И сей священный огонь доньше не угас:
Навеки духом Русь с царем своим слилась!
Да! — царство ваше — труд, свершенный Иоанном,
Труд, выстраданный им в бореньи неустанном.
И памятите вы: всё то, что строил он, —
Он строил на века! Где — взвел до половины,
Где — указал пути... И труд был довершен
Уж подвигом Петра, умом Екатерины
И вашим веком...

Да! Мой день еще придет!
Услышится, как взвыл испуганный народ,
Когда возвещена Царя была кончина, —
И сей народный вой над гробом властелина,
Я верую — в веках вотще не пропадет,
И будет громче он, чем этот шип подземный
Боярской клеветы и злобы иноземной...»

